

Клиффорд Джон -
(хореограф, Нью-Йорк)

17.02.04,

Джон Клиффорд: «Я нередко пил с Баланчиным»

Балетный педагог из Америки раскрывает профессиональные секреты

Джон Клиффорд – бывший танцовщик, преподаватель и хореограф «Нью-Йорк сити балле», много лет он возглавлял Балет Лос-Анджелеса. Как представитель Фонда Баланчина, Клиффорд ставит в Большом театре произведения великого балетмейстера: одноактный балет «Агон» и два концертных номера. Американский педагог поведал обозревателю «НГ» о своих «рабочих» впечатлениях.

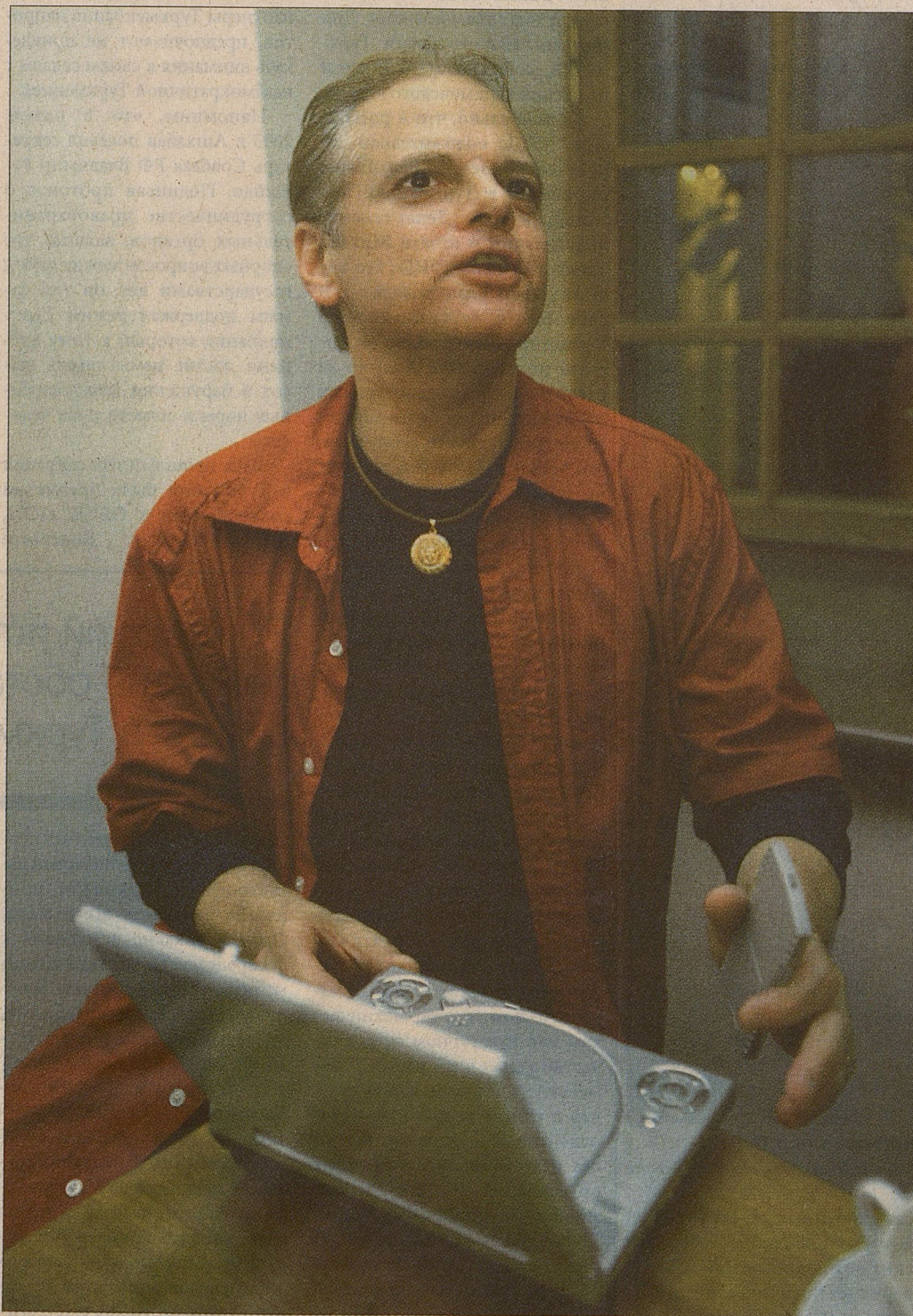
-Я очень обрадовался, когда меня попросили поработать в Большом театре, потому что я вообще занялся балетом из-за Майи Плисецкой. Увидев ее на сцене, я понял, сколько можно получить удовольствия от танца. Однажды труппа Большого танцевала в Лос-Анджелесе. После спектакля я был у Майи в гримерке и сказал ей: «Вы танцуете, как будто на сцене вся ваша жизнь». А она ответила: «Нет. Танец – это не жизнь. Наша жизнь – это танец».

Я посмотрел спектакли балета Большого театра на его недавних гастролях в Париже. Это было фантастически хорошо. У вас труппа актеров-танцоров, для них представление не менее важно, чем танец. Из Москвы я еду в Петербург, чтобы поставить «Вальсы» и «Четыре темперамента» Баланчина. Мариинский театр отличается от Большого, там меньше актерства на сцене, и за последние годы они много раз обращались к Баланчину, кроме того, классы в Мариинке близки баланчинским. В Большом театре требуется чуть больше работы, потому что артисты пока не чувствуют себя удобно в хореографии Баланчина. Но я прекрасно провожу время. Репетирую, даю специальный класс. Некоторые танцовщики на него приходят. Мой класс – добровольное посещение для артистов театра, они не обязаны это делать.

Все, что сделал Баланчин, вышло из школы Петербургского императорского театра. Но все в мире меняется. Он работал и в Дании и там открыл для себя метод Бурнонвиля. Все это Джордж привез в Америку. Это была новая динамичная страна, и Баланчин выработал новый стиль: движения делаются очень быстро, но это все равно танец. Баланчин всегда был обеспокоен качеством исполнения движений. Артисты Большого не привыкли к тому, что я показываю, но они хорошо учатся. Нужно, чтобы в исполнении не было так: вы говорите слово, но не понимаете, что оно означает.

«Агон» – очень сложный балет. Вам необходимо быть классическим танцовщиком, чтоб все исполнить, но на самом деле в «Агоне» нет типично классической последовательности движений. В этом смысле «Симфония до мажор» легче для Большого. Этот балет ближе к традиции. Как и «Па-де-де» Чайковского, и «Тарантелла». Но не «Агон». Этот балет красив, очень сексуален, и в нем есть некая забавность. Но все чувствуется только, когда «Агон» правильно танцуют. Артистам нужна предельная концентрация внимания, и не только телесная, но и мозговая активность. Исполнители все время считают ритм и ни на секунду не могут остановиться. Ведь музыка Стравинского такова, что напеть ее вы не можете, и невозможно положиться на мелодию. Много движений происходит в тишине: двигаешься в точном ритме, но без звука. Это сложно не только для труппы Большого. В Парижской опере тоже были проблемы. Ведь исполнители танцуют то, что слышат.

Про па-де-де «Агона» я сказал артистам Большого, что это битва между мужчиной и женщиной. По хореографии танцовщик и балерина равны. У обоих очень сильные движения – комбинации соблазнения и

Джон Клиффорд, хранитель традиций Джорджа Баланчина.

независимая – 2004-17 февр. – с. 6.
даже изнасилования. Посмотрите, как танцовщики падают друг на друга в финале: они совершенно вымотаны. Конечно,

в программке ничего такого не написано. И Баланчин этого никогда бы не открыл. Он считал, что не стоит говорить танцов-

Фото Артема Житенева (НГ-фото)
щикам о балете слишком много, они должны сами понять смысл. Но мне он говорил, что его балеты – это не просто фор-

мальные движения. Многие совершают ошибку, когда думают так. Я часто обедал и нередко пил с Баланчиным, и мы проговаривали все эти вещи, которые он никогда бы не сказал труппе.

Я готовлю с артистами Большого и два концертных номера – «Тарантеллу» и «Па-де-де» Чайковского. Физически «Тарантелла» требует очень большой отдачи от танцовщиков. Там нет ни одной передышки ни для мальчика, ни для девочки. В финале исполнителям хочется убежать за кулисы и упасть. Но в Большом театре артисты рвутся репетировать именно этот номер. Мы собрали четыре состава. Приходится говорить: «Остановитесь, хватит уже «Тарантеллы!»

«Па-де-де» Чайковского трудно тем, что артисты Большого до этого видели разные, не всегда качественные, видеозаписи. И многие танцевали этот номер в своих концертных программах. Но на самом деле их никогда не учили, как правильно это делать. Фактически артисты делали собственные версии «Па-де-де». Но это не Баланчин, потому что неправильный темп. У танцовщиков Большого все слишком медленно. Когда я это говорю, кое-кто удивляется и возражает: «Я танцевал это везде!» Ну и что? Значит, ты везде танцевал неправильно. Ты танцевал не Баланчина.

В программе вечера Баланчина в Большом есть и балет «Кончерто барокко». Когда Баланчин репетировал его, он говорил балеринам: «Танцуйте, как Фред Астер». Это кажется странным, потому что танцы поставлены на музыку Баха и в спектакле абсолютно классические движения. Но в этой хореографии много синкопов. Артистам здесь нужна свобода и некая расслабленность. Я не знаю, как балет поставит в Большом мой коллега Адам Людерс, это его зона ответственности. Но в любом случае будет интересно.

Записала Майя Крылова